

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1.0

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-00

ГСНТИ 17.07.21

Код ВАК 10.01.08

М. А. Пальчик

Екатеринбург, Россия

ДЕМОФОБИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИСТЕМЫ. КАК ЛИТЕРАТУРА БОИТСЯ СВОИХ СВОБОД?

Аннотация. В статье представлены наблюдения за развитием литературы как социального института сегодня, специфика которого определена демократизацией — временным отсутствием государственного или нравственного императивов, влияющих как на поэтику текста, так и на его социальное продвижение. Ситуация временного социального отказа от программ и установок видится парадоксальной для самой литературы (дана краткая историко-аналитическая справка о том, как регламентировался литературный процесс в России, очерчены причины демократизации сегодня). Участники литературного поля формируют комплекс реакций, идей и стратегий, которые могут быть охарактеризованы как демофобия (термин политолога Е. Шульман) — попытка защититься от свобод, предоставленных литературе.

Характерными чертами демофобии становятся появление апокалиптических сценариев развития литературы как социального института (где нивелируются роли автора и читателя), развитие двух магистральных стратегий, которые наблюдаются на всех уровнях производственной структуры текста (автор — издатель — продавец — читатель — хранилище): 1) Отказ от собственных свобод: выбор специфических, узколокальных тем в качестве магистральных, регламентированный тип поведения внутри литературного поля, поиск собственной идентичности на фоне информационной вседоступности. 2) Радикализация собственных прав: подчинение всей производственной структуры текста, выполнение чужих ролевых функций и попытка завладеть чужими правами и свободами.

Ключевые слова: современная русская литература; литературная ситуация; литературные процессы; демократизация литературы; демофобия литературы; социокультурные стратегии.

М. А. Palchik

Ekaterinburg, Russia

DEMOPHOBIA OF THE MODERN LITERARY SYSTEM: HOW DOES LITERATURE FEAR ITS OWN FREEDOMS?

Abstract. The article presents observations of the development of literature as a social institution today, the main specific feature of which is determined by democratization — a temporary absence of state or moral imperatives that affect both the poetics of the text and its social advancement. The situation of temporary social refusal from programs and prescriptions seems paradoxical for the literature itself (the article gives a brief historical and analytical reference on how the Russian literary process was regulated, and outlines the modern reasons for democratization). The participants of the literary field form a complex of reactions, ideas and strategies that can be characterized as demophobia (the term of the politologist E. Schulman) — an attempt to protect themselves from the freedoms granted to literature.

The main features of demophobia are the appearance of apocalyptic scenarios of development of literature as a social institution (according to them the roles of the author and the reader are leveled), the evolution of two main strategies, which are observed today at all stages of production and publishing of the text (author — editor — seller — reader — storage). These main strategies are: 1) Refusal from own freedom: choice of specific, narrow-local themes as essential ones, the regulated type of behavior within the literary field, the search for own identity against the background of informative availability. 2) The radicalization of own rights: the subordination of the entire production system of the text, the execution of other people's roles and the attempt to take over other people's rights and freedoms.

Keywords: modern Russian literature; literary situation; literary process; democratization of literature; demophobia of literature; socio-cultural strategies.

На протяжении своей истории литература как социальный институт в России развивалась на фоне государственного или нравственного императива, который регламентировал функции и задачи литературы, производственную структуру текста (автор — редактор — издатель — продавец — распространитель — читатель — хранилище¹), представление о культурном достоянии нации, именах классиков и национальном корпусе текстов². Культурный бэкграунд не только

ответственно, самой литературы, где существует понятие литературной этики и иерархии жанров, в рамках которых развивается сам текст. «Писатель жаждет ввести свое творчество в рамки литературных канонов, стремится писать обо всем «как подобает», стремится подчинить литературным канонам все то, о чем он пишет» [Лихачев 1979: 72].

2. XVII–XVIII век. Начинает формироваться буржуазное и гражданское общество, но книгопечатание монополизировано государством, что определяет круг изданных текстов. Во второй половине XVI века территория Юго-Западной Руси покрывается сетью первых типографий, которые направлены на борьбу с «католической ересью» и унынием; до второй половины XVII века — печатное дело монополизировано государством. В 1770-х и 1780-х при формальной отмене монополии на книгопечатание — вольные типографии могут быть учреждены только с разрешения государства (обычно — с четким

¹ Цепочка производственной структуры текста впервые предложена в работе Р. Дарнтон «What is the history of books?» [Darnton 1982: 65–83].

² Краткая историко-аналитическая справка о воздействии императивов на литературу:

1. В X веке (вплоть до XVII века) — принятие христианства определяет возникновение письменности и, соот-

установил условно-хронологические точки в истории литературного процесса, но и — так или иначе — определил литературу в качестве инструмента идеологии либо инструмента ее разрушения.

Специфика современной литературной ситуации представляется в какой-то степени парадоксальной для самой литературы. Условный переход к «современности» перестает быть связан с нравственным или прямым политическим заказом. По целому ряду причин литература становится свободной от внешних программ и установок, влияющих как на поэтику текста, так и на его социальное продвижение³.

Во-первых, очевиден временный отказ государства от предъявления каких бы то ни было требований и императивов литературе, что обусловлено несколькими факторами: 1) Смена позиционирования на рубеже XX–XXI веков. Политика нового государства во многом строилась за счет разрушения мифа о советском счастье, реабилитации имен и текстов, противопоставлении себя идеологии советского государства и — следовательно — введения свободы в качестве «программного» элемента. 2) С конца 2000-х литература перестает быть востребованной в качестве идеологического инструмента в силу информационной перестройки общества. Для государства становится актуальным искусство информационной вой-

регламентом, как, например, печать только иностранной литературы или объявлений). В 1796 году и вовсе выходит указ о запрете вольных типографий (до 1802 года).

3. XIX век. Формируется «нравственный императив». Критика предъявляет требования к литературе и жестко стратифицирует весь литературный процесс (обращаясь не только к автору, но и к читателю определенного круга). Появляется институт литературной классики, представление о национальном корпусе текстов. Формируется интеллигенция, которая становится «первым читателем»: определяет ценности литературы, смыслоопределяющие функции, влияет на академическую историю литературы и проч.

4. XX век. Литература мыслится как идеологическое оружие с четко поставленной задачей — сохранить идентичность. «Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества» [Ленин 1968: 104].

³ Отметим ряд исключений, которые — все же — сложно считать сформировавшимся государственным императивом. Так, в 2010 году выходит собрание сочинений А. Проханова в 15 томах (вероятно, при поддержке государства), а последние произведения автора связаны с событиями, актуальными для политики современной России: в 2014 году издан роман «Крым», 2015 — «Убийство городов», 2016 — книги «Губернатор», «Новороссия, кровью умытая», «Сирийский армагеддон. ИГИЛ (запрещена в РФ — прим. М. А. Пальчик), Нефть, Россия. Битва за Восток» и др.

Единичные проявления воздействия на литературу связаны и с введением возрастной классификации для изданий. Самой известной скандальной проверкой стало изъятие большого количества книг (среди них — «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита» М. Булгакова) из библиотеки в г. Златоусте в июле 2015 года [Прокуратура Златоуста... Эл. ресурс].

ны, где важны скорость и наглядность, которые не в состоянии обеспечить литература. В качестве инструмента активно используются иные каналы передачи информации: сообщества в социальных сетях, видеоканалы, сми-ресурсы и блоги. Они помогают обеспечить создание единого кода (текст, изображение, видео, аудио), поддерживать его разноплановость (короткие разнохарактерные заметки) и получать оперативную реакцию (комментарии, интернет-«мемы» и проч.).

Во-вторых, нравственный императив больше не может определять современную литературную ситуацию. Это связано с новым способом бытования книги и размытием критериев того, что мы называем сегодня литературой. Книга как артефакт приобретает невероятное количество своих свобод:

1. Свобода форм существования текстового материала: наряду с очевидной конкуренцией между электронными и бумажными публикациями стоит говорить о размытии представления о том, что может считаться носителем литературного текста. Сегодня форма «издания» определяется фантазией потребителя: безусловно, можно представить и татуировку, транслирующую литературный текст, и «берестяные грамоты» нового формата и мн. др.

2. Свобода форм обработки литературного материала: на равных правах существуют как издательства с многоступенчатыми способами обработки текста, так и те, в которых традиционные издательские процессы автоматизированы или вообще не используются (самый популярный портал — «Amazon.com», где издание (верстка, печать, подбор обложки и проч.) и доставка книги занимают не более трех суток).

3. Свобода форм распространения: наряду с материальными точками продаж книг существует огромное количество виртуальных площадок.

4. Свобода форм хранения: виртуальные информационные архивы составляют серьезную конкуренцию библиотекам, музеям, фондам.

Отсутствие нравственного императива порождает стрессовую ситуацию для литературы как социального института. Болезненность перехода к новой — еще не сформировавшейся — идеологии сопровождается не только отсутствием внятных ответов, зачем сегодня нужна литература, кто обладает правами на стратификацию литературного процесса и как он регламентируется (кризис интеллигенции), но и, в конечном счете, размытием идентификации всех участников литературного поля. Возникает страх перед демократизацией, который сопровождается радикализацией — попыткой реконструировать прежние «правила» литературного процесса, нивелировать будущее и связать его с деградацией самой системы.

Так, актуализируются апокалиптические сценарии развития литературы как социального института. Литература мыслится как жертва рынка или технологий, утратившая ценность текста и качество его прочтения. Современные авторы представляются неконкурентноспособными в системе символических капиталов (с отсутствием перспективы считаться классиками), не способными передать дух эпохи и проблематизировать свое время. Понятие литературного успе-

ха становится связано, в первую очередь, с медийностью писателя и его конкурсной продуктивностью (возможностью побеждать и конкурировать в системе литературных премий), что условно приводит к разделению на два типа литератур: «литература для премии» и «литература для читателя»⁴. Это порождает сомнения в оценке современной писательской среды, а сами тексты воспринимаются как «усредненные» и «второсортные», снижающие или меняющие статус литературы как искусства⁵.

Страх перед демократизацией проявляется и в серии проблемных вопросов о читательском кризисе, который воспринимается как альтернативная причина «смерти» литературы. Возникает идея о том, что достойные тексты существуют (или могли бы существовать), а недостойным оказывается тот, кто дол-

⁴ Разделение на два типа литератур становится причиной недоверия к результатам различных литературных премий. Самой острой дискуссией 2016 года — в том числе и в России — стали размышления об адекватности результатов Нобелевской премии, присужденной Бобу Дилану, что привело к вопросу о расширении границ литературы [Юзефович: эл. ресурс].

⁵ Проиллюстрируем выборочной подборкой размышлений современных писателей, критиков и литературоведов:

1. 2.11.2015 электронный журнал «Литература» опубликовал результаты опроса писателей и ученых «О границах современной литературы» [О границах... Эл. ресурс]:

- Д. Бавильский: «Для того чтобы взять книгу автора, работающего сегодня, почти всегда приходится преодолеть импульс предвзятости и недоверия, включив режим максимального снисхождения».

- С. Кибальник: «Читатель, купивший один раз камень под видом хлеба, в следующий раз уже так легко не схватит наживку. В конечном счете, его все же не обманешь, и кирпичи, сложенные возле кассы, за редким исключением (к которым относятся, например, книги Виктора Пелевина, как бы кто к нему ни относился), будут лежать там, пока не окаменеют».

2. Материалы «Букеровской конференции — 2012. Литературный момент или литературный процесс?», опубликованные в журнале «Вопросы литературы» [Вопросы литературы 2013 (3): эл. ресурс].

- В. Новиков: «Литературный процесс представляет собой дело довольно будничное и рутинное; это не вершинные достижения тех, кто станет классиками литературы, — это огромный массив, провоцирующий возникновение той самой *болезни нечтения*, которой все так опасаются».

- В. Козлов: «В целом же складывается ощущение, что у писателей сейчас желания бороться за читателя нет. Его заменяет желание бороться, к примеру, за литературные премии, за признание литературного цеха».

- С. Дмитриенко: «Мы правильно заговорили о премиях; помнится, когда в 2000 году Букара получил Михаил Шишкин за роман «Взятие Измаила», Владимир Новиков заявил, что эта книга написана не для того, чтобы ее читали, а чтобы получить премию».

- Д. Бак: «Я думаю, что на самом деле все плохо. Смена журнальной доминанты издательской довольно скоро приведет к тому, что перед нами окажется совсем другой продукт, не та литература, к которой мы привыкли... Надо как-то понимать, что мы все принадлежим к миру, которого вскоре не будет».

жен стать их читателем. Становится актуальным вопрос о новом поколении читателей, которое мыслится несвободным в системе потребительского культа⁶. В связи с этим популяризируется концепция о «перевоспитании» читателя — что приводит к формированию целого комплекса педагогических методик и мотиваций, направленных на создание новой читательской культуры и определение границ в использовании новых технологий (это порождает негативную коннотацию слова «гаджет») ⁷.

Определенная уверенность в крушении традиций постоянно подтверждается реальным уничтожением ранее безусловно значимых институций, ассоциировавшихся с интеллигенцией (университетов, библиотек, литературных музеев, школ, союзов и объединений и др.), что приводит к закономерным последствиям: уменьшению часов на преподавание литературы, сокращению курсов и преподавательских ставок, снижению экзаменаторского контроля и мн. др.

Все это оказывает существенное влияние на участников литературного поля, которые готовы не только активно защищаться от свобод, предоставленных литературе, но и воспринимают их как реальную угрозу. Возникает состояние демофобии (термин используется в определении политолога Е. Шульман — «идея об опасности, исходящей от

⁶ Показательной становится серия статей, опубликованных в журнале «Аврора» [Аврора]2011 (4): 140-157]: «Есть ли будущее у литературы?», «Литературу формирует читатель», «Литературные боги и кумиры».

- Г. Муриков: «На минуту отвлечемся и обратим внимание на то, как говорят молодые люди (т.е. потенциальные читатели предполагаемой «будущей литературы») сегодня. Мало того, что их лексикон ограничен максимум 600–700 словами, во многом специфического полублатного жаргона, который теперь тактично называют «молодежным сленгом», но и буквально через каждые пять-шесть слов вставляется выражение «короче». <...> Небезынтересно вспомнить, что в ходе научных исследований в Африке обезьян некоторых видов пытались научить человеческой речи. <...> Оказалось, что наиболее способные — самцы шимпанзе — могут запомнить и использовать около 600 слов» [Аврора 2011 (4): 143-144].

- В. Федоров: «Как показали опросы, сегодня больше сорока процентов населения вообще ничего не читают! Им ничего не интересно, кроме бесцельного убивания времени, добыванию все новых благ и получения наслаждений. Кто-то назвал это поколение интеллектуальными аскетами и примитивными гедонистами» [Аврора 2011 (4): 152].

- А. Филимонов: «Г. Муриков совершенно справедливо пишет о массовом терроре против русской речи, который поддерживается малограмотными журналистами СМИ» [Аврора 2011 (4): 155].

⁷ В силу того, что ряд методик, размышлений и интервью, связанных с преподаванием литературы сегодня, чрезвычайно велик, приведем пример, который считаем символичным для данных наблюдений. В сентябре 2009 года телекомпания «Мир» в рамках программы «Слово за слово» выпустила программу «Нужна ли читателю настоящая литература?». Главным героем стала учительница средней школы, задающая вопрос писателям, критикам и литературоведам, какую современную литературу стоит читать школьникам и как заинтересовать новое поколение читателей.

народа», попытка повлиять на социальный выбор в пользу «недемократического государства»⁸). Демофобия современной литературной системы — это комплекс реакций и стратегий участников литературного поля, которые выработаны в результате страха перед дальнейшей демократизацией литературы и необратимостью этого процесса, недоверия к тем или иным аспектам современной литературной ситуации и желания от них оградить или оградиться.

Сегодня демофобия — так или иначе — наблюдается на всех уровнях производственной структуры текста (автор — издатель — продавец — читатель — хранилище⁹) и может быть представлена в двух магистральных стратегиях:

1. Отказ от собственных свобод.

Александр Иванов (основатель издательства Ad Marginem), анализируя современный рынок книгоиздания, характеризует состояние культуры как переходное к новому типу ценностей: от глобализации к локализации [Иванов: видеоконтент]. Вероятно, это нужно считать стратегией участников литературного поля, сформировавшейся в результате демофобии: выбор специфических, узколокальных тем в качестве магистральных, регламентированный тип поведения внутри литературного поля, поиск собственной идентичности на фоне информационной вседоступности, попытка отказаться от свобод, представленных современной литературной ситуацией.

Автор. Один из репрезентативных примеров — уральская поэтическая среда. Поиск собственной идентичности и желание локализовать литературный процесс проявляется не только в сильной роли ученичества и преемственности, но и в смене отношения к проекту «Уральская поэтическая школа». Более 7 лет назад мнение самих поэтов об уральской поэтической школе было крайне негативным, а само участие в ней отрицалось (А. Петрушкин: «Как сейчас обстоят дела в УПШ? Легче всего и, наверное, правильное сказать, что отлично обстоят. Её, уральской поэтической школы, просто нет» [Уральская поэтическая школа: да твою маман... Эл. ресурс]). Уже в 2013 году у самого А. Петрушкина зарождается идея о создании озёрной поэтической школы (в марте 2016 года издана антология «Русская Озёрная поэтическая школа» [Антология Русская Озёрная поэтическая школа 2016]), несмотря на противопоставление себя линии, сформировавшейся

ся под влиянием В. Кальпиди, принцип объединения авторов идентичен).

Круглый стол «Учителя и ученики в современной поэзии: культурные роли и поэтические стратегии» в рамках фестиваля «Туренковские чтения — 2016» демонстрирует явную смену отношения к проекту «Уральская поэтическая школа» (С. Ивкин: «Главное, что мы находимся в одном поле. В. Кальпиди взял на себя организаторскую функцию. Это хороший проект, который помогает усилить внимание к уральской поэзии»).

Издатель. Сегодня издательство, направленное на книгопечатную продукцию, вынуждено, так или иначе, сегментировать рынок. В результате наблюдается стратегия отказа от прав на популярные тексты (литературная классика, бестселлеры) в пользу малоизвестных или непереведенных текстов. Частные интеллектуальные издательства (как, например, Ad Marginem) все больше напоминают «домашнюю библиотеку» самого издателя, или типографию личного вкуса. Впрочем, некоторые крупные издательства тоже следуют этой стратегии: «Редакция Елены Шубиной» (бренд издательства АСТ) становится успешной именно благодаря акценту на личном выборе Елены Шубиной. Именно с ним отчасти связан литературный успех Евгения Водолазкина (после небольшого тиража в 1000 экз. книги «Соловьев и Ларионов» в «Новом литературном обозрении» [Водолазкин 2009] автор был замечен «Редакцией Елены Шубиной», которая сегодня обладает исключительными правами на его тексты и публикует их большим тиражом и по меркам современного рынка, и по меркам самой способности издательства).

Продавец. Ситуация идентична стратегии, характерной для издательств. Репрезентативным примером для Екатеринбурга можно считать магазин «Йозеф Кнехт», который в момент своего появления отказался от продажи популярной литературы, стал формировать очень узкий сегмент (интеллектуальная, редкая, букинистическая).

Профессиональный читатель. Огромное количество методологических подходов и инструментов позволяет говорить о расширении границ и горизонтов литературоведения. По наблюдениям Сергея Козлова, появляется ситуация методологического рынка и филологической моды, которая преодолевается путем сознательного ограничения исследовательской свободы: примате материала над методом и поиском не только личных, но и объективных причин для оценки адекватности метода (усиление роли экспертного научного сообщества) [Козлов НЛО 2011 (110): эл. ресурс].

Непрофессиональный читатель. Обилие информации и ее доступность формирует острое желание оградиться от своих читательских свобод и определяет новый тип читательского поведения. Становится актуальным переход к мультикультурности, где выбор зависит не от национальных скреп, а от идей и интересов различных сообществ. Можно констатировать случайность в выборе авторитета, что затрудняет понимание читательского запроса сегодня. Его можно определить и как выбор читателем изданий, где процесс подготовки книги практи-

⁸ «Это идея об опасности, исходящей от народа, демофобии. В чем выражаются такого рода идеи? <...> Без сомнения, вам приходилось слышать разговоры: «Гитлер пришел к власти демократическим путем». После этого делается зловещая пауза: «Вот она, ваша демократия». <...> Целым рядом выразительных и страшных исторических примеров подтверждается мысль, что есть кровавое чудовище, которое держит в узде наш с вами благодетель — недемократическое государство. Почему оно недемократическое? Потому что нельзя страшным людям, этим кровавым олигофренам, давать в руки демократические инструменты» [Шульман: эл. ресурс].

⁹ Из цепочки Р. Дарнтон намеренно исключены функции «распространителя» и «редактора» в связи с потерей, на наш взгляд, их актуальности в рамках современного литературного процесса.

чески авторитарен (заметен рост интереса к университетским и интеллектуальным изданиям, которые соблюдают строгую предпечатную подготовку текста), и как активное стремление следовать рекомендациям мультикультурных сообществ, которые предлагают массовые списки «лучших» книг и создают необходимый для изучения набор имен и текстов в виде цитат, что влияет на формирование у нового поколения читателей цитатного мышления (цитаты классиков оказываются достаточными для изучения, сам текст представляет меньший интерес).

2. Радикализация собственных прав.

Альтернативной стратегией-реакцией на демократизацию литературы становится попытка участников литературного поля увеличить свои права внутри самого социального института. Актуальной становится не конкуренция внутри одной ролевой функции (автор-автор и др.), а подчинение себе всей производственной структуры текста, выполнение чужих ролевых функций и попытка завладеть чужими правами и свободами.

Автор. Наиболее радикальным в этом типе стратегии становится поведение автора, который активен в попытке забрать права у других участников литературного поля. Автор сегодня вполне может отказаться от внешнего редактора (разместить текст сразу в интернет-пространстве, отправить в печать неотредактированный текст или воспользоваться площадками наподобие «Amazon.com» с автоматической версткой текста). Кроме того, автор активно берет на себя функции издательства и использует их для реализации творческих задач (как, например, мифическое издательство уральского поэта Р. Комадея «Полифем», которое существует только в самом названии и создано для объединения своих друзей и учеников под одним брендом).

Автор активно принимает на себя роль продавца, высчитывая тираж и его окупаемость, используя саморекламу и способы продвижения на рынке. Поэт А. Вавилов, «может <...> еще один бухгалтер собственной поэзии» [Снигирева 2016: 87], написал в социальных сетях после доклада Т. Снигиревой на конференции, когда все экземпляры его книги были мгновенно распроданы: «Спасибо, Татьяна Александровна! Как выяснилось, не только за выбор темы» [Вавилов: эл. ресурс].

Автор сегодня пытается заявить о себе как о профессиональном читателе (писатель Д. Быков на презентации своих книг и встречах с читателями часто рефлексировал о сложности преодоления читательского стереотипа о себе как о литературоведе).

Автор пытается воздействовать и на хранилище: электронное (размещая себя в облаке текстов интернет-пространства), музеи и библиотеки. Библиотека «Объединенного музея писателей Урала» постоянно пополняется книгами, принесенными уральскими авторами, а музей «Литературная жизнь Урала XX века» стал неофициальной точкой продаж авторских экземпляров (такая практика отмечается и в музеях Санкт-Петербурга и Москвы).

Издатель. Отмечается конкуренция, в первую очередь, внутри самой ролевой функции. Появляется вполне ощутимая борьба между электронными

(автоматизированными) издательствами и традиционными. А. Гаврилов, анализируя результаты исследования аналитической компании Nielsen (в Великобритании в 2014 и 2015 годах бумажных книг удалось реализовать на 7% больше, а электронные книги пользовались меньшим спросом — их продали на 4% меньше [The Gurdian: Продажи электронных... Эл. ресурс]), видит причину роста продаж бумажных книг в Великобритании в новой ценовой политике: бумажные книги на несколько лет стали дешевле электронных текстов¹⁰.

Можно говорить о вполне открытой маркетинговой битве: традиционные издательства, влияя на социологические исследования, пытаются сформировать вполне ясный стереотип о читательском запросе, где большинство выбирает бумажное издание. Это можно считать попыткой отобрать свободы и у самого читателя, чей выбор был определен ценовой политикой (может ли он считаться в таком случае свободным?).

Борьба между издательствами становится сегодня и юридической битвой. Германия, Франция, Евросоюз, Индия — в этих странах зафиксированы иски на «Amazon.com», которые обвинили портал в нарушении антимонополии. Это связано с невероятной популярностью «Amazon.com» у западного потребителя, который расширяет функции продавца до функций издательства и хранилища (текст поступает напрямую от автора, читатель может его не просто купить, но и заказать книжное издание в любую точку мира. Портал «Amazon.com» автоматически сверстает книгу, подберет обложку и вышлет в единственном экземпляре — книга попадет к читателю в течение трех суток).

Продавец. Помимо функций издателя продавец сегодня пытается активно занять позицию профессионального читателя и хранилища. Материальные точки продаж организуют образовательные семинары и лекции (самый яркий пример — екатеринбургский книжный магазин «Пиотровский», который готовит ежемесячную программу), приглашают писателей для увеличения интереса читателя к магазину и самой литературе. Продавец сегодня формирует и ритуал чтения. Нематериальные точки продаж помимо просветительских проектов предлагают читательские атрибуты: продукция с изображением писателей, цитатами. При этом стоит упомянуть и маркетинговую стратегию, которая лишает свободы читателя за счет ограниченного ассортимента или определением ценовой политики (в канун Нового года сообщество «Литература» (в социальной сети «Vk.com») объявило о распродаже футболок с изображением Бродского. «Бродский» стоил дешевле «Маяковского» на 400 рублей).

Хранилище. Традиционные формы хранения книг и ценностей (библиотеки, музеи) перестают быть актуальными: появляется абсолютная свобода к документу любой эпохи благодаря Интернету (часто сами институции и организуют электронное храни-

¹⁰ Гаврилов А. Будем ли мы платить дань Amazon.com?. Лекция в магазине «Пиотровский» (г. Екатеринбург) — 11.02.2017 года.

лице в формате электронной библиотеки или виртуальной экскурсии). Однако потребность в посетителе остается актуальной, поэтому хранилище берет на себя функцию профессионального читателя: занимается интерпретацией текстов, просветительскими задачами, организует проблемные мероприятия. Интересно, что функция интерпретации становится актуальнее, чем демонстрация исторических ценностей. На примере «Объединенного музея писателей Урала» можно отметить, что сегодня экспонат все чаще подменяется реквизитом. Это связано с новым социальным заказом посетителя, которому, в первую очередь, становится важна атмосфера, а не сам факт исторической и культурной ценности (сегодня в букинистическом магазине можно нередко встретить то, что в музее считается экспонатом).

Таким образом, наблюдения за развитием литературы как социального института сегодня позволяют определить комплекс реакций и стратегий, сформировавшихся в результате демократизации — временного отсутствия государственного или нравственного императивов. Участники литературного поля готовы не только пользоваться свободами, предоставленными литературе, но и активно от них защищаться, меняя традиционный механизм работы литературы как социального института.

Вместе с тем анализ сложившейся ситуации позволяет спроецировать ряд прогностических выводов о том, какое она окажет влияние на дальнейшее развитие литературы. Так, вероятно, с помощью демократизации литературы могут быть обозначены те инструменты и механизмы, которые в дальнейшем будут сформированы в виде социального заказа. Стоит предполагать, что основным способом бытования литературы станет утверждение ее в качестве проекта (литература как проект), что восходит к классическим постулатам постмодернистской реальности. Уже сегодня мир интерпретируется как текст или код (и, например, закономерно формирование видеопоззии или визуальных рок-поэм), в дальнейшем, вероятно, усилятся стирание границ между кодами. Возможно, будет отсутствовать разделение и на функции в рамках литературного поля, а каждый проект будет изначально мыслиться как комплексное сочетание различных ролей (автор — издатель — продавец — читатель — хранилище). Вероятно, это приведет к внедрению такого типа изданий (бумажные книги останутся только в виде фетиша), которые будут включать в себя не только текст, но и все — в том числе и мультимедийные — контексты, связанные с ним (гибрид-аналог современного проекта «Википедия» и компьютерной игры).

Вместе с тем демофобия может рассматриваться как негативная реакция на те инструменты, которые предлагаются современному литературному сообществу. Вероятно, будет существовать и другой «тип» литературы, который не только сохранит традиционные способы работы с художественным текстом, но и станет результатом тоталитарного определения границ литературы (минимальное количество участников). Стоит предполагать, что такой тип развития литературы будет включать в себя и усиление регламентов и правил внутри литератур-

ного поля, и возврат к традиционным направлениям и жанрам, и отказ от развлекательной и массовой литературы. Вероятно, наиболее актуальными станут темы и проблемы, связанные с вопросом о сохранении и потери личностного начала (как сохранить себя в потоке информации — на фоне роботизации и автоматизации всех процессов).

В качестве еще одного прогностического вывода можно высказать предположение об усилении влияния технологий на читательский выбор и читательский запрос. Сегодня поисковые системы предлагают «облако тегов» (набор всех в мире ключевых слов) и контекстную рекламу, а с 2015 года по указу Президента во всех регионах создаются центры «Нейронет» (среда информационного обмена нового поколения, построенная на принципах нейрокоммуникаций). Возможно, будущее литературы станет напоминать «Вавилонскую библиотеку» Х. Л. Борхеса, в котором виртуальный архив будет содержать все тексты мира и предлагать книги индивидуально (учитывая запросы читателя, его активность в интернете, активность мозга). Или даже больше — создавать новые — индивидуальные — тексты на основе архетипических тем, сюжетов, образов.

ЛИТЕРАТУРА

- Антология Русской Озёрной поэтической школы. Сер. «Геология». Книга 1 // Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ». — Кыштым, 2016. — 144 с.
- Букер-2012: Литературный момент или литературный процесс? // Журнал «Вопросы литературы» — 2013. — № 3. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/3/11b.html> (дата обращения: 04.05.2017).
- Вавилов А. Спасибо, Татьяна Александровна... [Электронный ресурс]: запись в социальной сети «Vk.com». — Режим доступа: https://vk.com/wall46145816_587 (дата обращения: 04.05.2017).
- Водолазкин Е. Соловьев и Ларионов. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 352 с.
- Иванов А. Литературные итоги 2016 года [Видеоконтент]. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=aDLv_hR_LmQ (дата обращения: 04.05.2017).
- Козлов С. Осень филологии // Новое литературное обозрение. — 2011. — № 110. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/ko3.html>; дата обращения: 04.05.2017.
- Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. — Издание 5. Том 12. — М.: Политиздат, 1968. — С. 104.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Наука, 1979. — С. 72.
- Муриков Г. Есть ли будущее у литературы? // Аврора. — 2011. — № 4. — С. 143-144.
- О границах современной литературы [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Литература». — Режим доступа: <http://litteratura.org/1448-o-granichah-sovremennoy-literatury.html> (дата обращения: 04.05.2017).
- Прокуратура Златоуста запретила детям читать «Собачье сердце» [Электронный ресурс] // Новая газета. — Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/news/2015/07/24/113797-prokuratura-zlatoust-a-zapretila-detyam-chitat-171-sobachie-serdtse-187-kommentarii> (дата обращения: 04.05.2017).
- Снигирева Т. А. «Уральский звукоряд» поэзии А. Вавилова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 18. — № 1 (148). — С. 87.

Уральская поэтическая школа: да твою маман! [Электронный ресурс] // Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ». — Режим доступа: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=6219> (дата обращения: 04.05.2017).

Федоров В. Литературу формирует читатель // Журнал «Аврора». — 2011. — № 4. — С. 152.

Филимонов А. Литературные боги и кумиры // Журнал «Аврора». — 2011. — № 4. — С. 155.

Шульман Е. Зомби-государственник [Электронный ресурс] // Портал InLiberty. — Режим доступа: <http://www.inliberty.ru/blog/2505-ZOMBIGOSUDARSTVENNIK> (дата обращения: 04.05.2017).

Шульман Е. Лекция проекта InLiberty «Зомби-государственник» [Видеоконтент]. — Режим доступа: [https://www.youtube.com/watch?v=2dCWW4J7hlw\\$](https://www.youtube.com/watch?v=2dCWW4J7hlw$) (дата обращения: 04.05.2017).

Юзефович Г. Л. Нобелевскую премию по литературе присудили Бобу Дилану. Как это? [Электронный ресурс] // Портал «Medusa». — Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/10/13/nobelevskuyu-premiyu-po-literature-prisudili-bobu-dilanu-kak-eto> (дата обращения: 04.05.2017).

Darnton R. What is the history of books? // Daedalus. — 1982. — № 111 (3). — С. 68.

The Gurdian: Продажи электронных книг упали, а бумажных — выросли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bookind.ru/events/5070/> (дата обращения: 04.05.2017).

REFERENCES

Antologiya Russkoy Ozernoy poeticheskoy shkoly. Ser. «Geologiya». Kniga 1 // Evraziyskiy zhurnal'nyy portal «MEGALIT». — Kyshtym, 2016. — 144 s.

Buker-2012: Literaturnyy moment ili literaturnyy protsess? // Zhurnal «Voprosy literatury» — 2013. — № 3. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/3/11b.html> (дата обращения: 04.05.2017).

Vavilov A. Spasibo, Tat'yana Aleksandrovna... [Elektronnyy resurs]: zapis' v sotsial'noy seti «Vk.com». — Режим доступа: https://vk.com/wall46145816_587 (дата обращения: 04.05.2017).

Vodolazkin E. Solov'ev i Larionov. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. — 352 s.

Ivanov A. Literaturnye itogi 2016 goda [Videokontent]. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=aDLv_hR_LmQ (дата обращения: 04.05.2017).

Kozlov S. Osen' filologii // Novoe literaturnoe obozrenie. — 2011. — № 110. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/ko3.html>; data obrashcheniya: 04.05.2017.

Данные об авторе

Марина Александровна Пальчик — аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков департамента «Филологический факультет» ИГНИ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, ученый секретарь «Объединенного музея писателей Урала» (Екатеринбург).

Адрес: 620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Царская, 7.

E-mail: ansichsein@mail.ru.

About the author

Marina Aleksandrovna Pal'chik, Post-graduate Student of Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Scientific Secretary of the United Museum of the Urals Writers (Ekaterinburg).

Lenin V. I. Partynaya organizatsiya i partynaya literatura // V. I. Lenin. Polnoe sobranie sochineniy. — Izdanie 5. Tom 12. — M.: Politizdat, 1968. — S. 104.

Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoy literatury. — M.: Nauka, 1979. — S. 72.

Murikov G. Est' li budushchee u literatury? // Avrora. — 2011. — № 4. — С. 143-144.

O granitsakh sovremennoy literatury [Elektronnyy resurs] // Elektronnyy zhurnal «Literatura». — Режим доступа: <http://literatura.org/1448-o-granichah-sovremennoy-literatury.html> (дата обращения: 04.05.2017).

Prokuratura Zlatoustu zapretila detyam chitat' «Sobach'e serdtse» [Elektronnyy resurs] // Novaya gazeta. — Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/news/2015/07/24/113797-prokuratura-zlatoustu-zapretila-detyam-chitat-171-sobachie-serdtse-187-kommentarii> (дата обращения: 04.05.2017).

Snigireva T. A. «Ural'skiy zvukoryad» poezii A. Vavilova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. — 2016. — T. 18. — № 1 (148). — S. 87.

Ural'skaya poeticheskaya shkola: da tvoyu mamam! [Elektronnyy resurs] // Evraziyskiy zhurnal'nyy portal «MEGALIT». — Режим доступа: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=6219> (дата обращения: 04.05.2017).

Fedorov V. Literaturu formiruet chitatel' // Zhurnal «Avrora». — 2011. — № 4. — С. 152.

Filimonov A. Literaturnye bogi i kumiry // Zhurnal «Avrora». — 2011. — № 4. — С. 155.

Shul'man E. Zombi-gosudarstvennik [Elektronnyy resurs] // Portal InLiberty. — Режим доступа: <http://www.inliberty.ru/blog/2505-ZOMBIGOSUDARSTVENNIK> (дата обращения: 04.05.2017).

Shul'man E. Lektsiya proekta InLiberty «Zombi-gosudarstvennik» [Videokontent]. — Режим доступа: [https://www.youtube.com/watch?v=2dCWW4J7hlw\\$](https://www.youtube.com/watch?v=2dCWW4J7hlw$) (дата обращения: 04.05.2017).

Yuzefovich G. L. Nobelevskuyu premiyu po literature prisudili Bobu Dilanu. Kak eto? [Elektronnyy resurs] // Portal «Medusa». — Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/10/13/nobelevskuyu-premiyu-po-literature-prisudili-bobu-dilanu-kak-eto> (дата обращения: 04.05.2017).

Darnton R. What is the history of books? // Daedalus. — 1982. — № 111 (3). — С. 68.

The Gurdian: Prodazhi elektronnykh knig upali, a bumazhnykh — vyrosli [Elektronnyy resurs]. — Режим доступа: <http://www.bookind.ru/events/5070/> (дата обращения: 04.05.2017).